

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЕЖЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ (на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII в.)

Для цитирования: Яшкова А. В. Метаязыковые аспекты вежливой коммуникации между автором и читателем (на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII в.) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 315–329.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.117>

Статья нацелена на изучение метаязыковых характеристик вежливой коммуникации. Анализ проведен на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII в. Материал исследования интересен тем, что немецкие тексты об искусстве второй половины XVIII в. стали классикой искусствоведения и именно в них впервые описывается новый метод анализа произведений искусства. Посредством сопоставления искусствоведческих текстов И. И. Винкельмана, И. Г. Гердера и Г. Э. Лессинга выявлено, как и с какой целью авторы этих текстов используют формулы вежливости. Методологическая основа анализа задана теоретическими установками прагматической лингвистики, социолингвистики и исследований метатекста. Результаты демонстрируют, что к актуализаторам позитивной вежливости можно, например, отнести: прилагательные со значением уверенности, эмоциональные выражения и/или инклюзивное местоимение *wir*. Включая эти актуализаторы в текст, автор апеллирует к общему кругозору читателя и стремится солидаризироваться с ним в общей академической области. Стратегии негативной вежливости используются автором для того, чтобы избежать навязывания своих взглядов читателям. В полученных данных используются следующие стратегии негативной вежливости: проявление осторожности путем хеджирования, демонстрация отсутствия стремления навязать свою точку зрения и приписывание себе всей ответственности за написанное путем персонализации. Результаты демонстрируют, что в исследовательских статьях читатель активно, пусть и незримо присутствует в тексте. В целом позитивные стратегии вежливости используются исследователями для демонстрации солидарности с коллегами-исследователями и научным сообществом в целом. Негативные стратегии либо обезличивают передаваемую информацию, либо, напротив, персонализируют. Оба подхода ставят себе целью не оказывать на читающего давления и не пытаться убедить его в своей правоте. В данной статье стратегии вежливости рассматриваются под новым углом. На материале XVIII в. становятся очевидными те изменения, которые научный стиль изложения претерпел за последние триста лет.

Ключевые слова: вежливость, история языка, метатекст, искусствоведческий текст.

**METALINGUISTIC ASPECTS OF POLITE COMMUNICATION
BETWEEN AUTHOR AND READER
(based on 18th-century German art history texts)**

For citation: Iashkova A. V. Metalinguistic aspects of polite communication between author and reader (based on 18th-century German art history texts). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 315–329. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.117> (In Russian)

The article aims to study the metalinguistic characteristics of polite communication. The analysis is carried out on the material of German art history texts of the 18th century. Through the comparison of art history texts written by J. J. Winckelmann, J. G. Herder and H. E. Lessing it is being revealed how and for what purpose the authors of these texts use formulas of politeness. The analysis is based on the theoretical foundations of pragmatic linguistics, sociolinguistics and metatext research. The results show that the actualisers of positive politeness include, for example, adjectives with the meaning of confidence, emotional expressions and the inclusive pronoun *wir*. By using these tools the author seeks to solidarise with the reader in the general academic field. Negative politeness strategies are used by the author to avoid imposing their views on the reader. The following negative politeness strategies were discovered: showing caution by hedging, demonstrating a lack of desire to impose one's point of view and attributing all responsibility for what is written by personalisation. The results demonstrate that in research articles the reader is actively, albeit invisibly, present in the text. In general, positive politeness strategies are used by researchers to demonstrate solidarity with the fellow researchers and the research community at large. Negative strategies either depersonalise the information conveyed or, on the contrary, personalise it. Both approaches aim not to put any pressure on the reader.

Keywords: politeness, history of language, metatext, art history text.

1. Вступление

Исследование категории вежливости на материале лингвистики переживает настоящий подъем на протяжении последних пятидесяти лет. Это связано и с так называемыми прагматическим и антропологическим поворотами, и со все возрастающим интересом к социолингвистике. Однако следует отметить, что большинство исследований этой тематики базируются на устном материале. Многие ученые ставили себе задачу определить характеристики и цели употребления вежливых форм в научном тексте, хотя вежливая коммуникация играет не последнюю роль в формализованном научном стиле. П. Кох называет языковую вежливость «все-

ленной, отделяющей сказанное от подразумеваемого» [Koch 2008: 143]. Метаязыковая рефлексия призвана регулировать отношения между участниками диалога, гармонизировать и оптимизировать общение, что способствует кооперации.

В случае трансфера научного знания эта кооперация может заключаться в том числе в стремлении автора убедить читателя в своих умозаключениях. Целью нашего исследования является анализ форм вежливости в искусствоведческих текстах XVIII в. и поиск ответа на вопрос: являются ли эти формы в научном тексте XVIII в. просто стилистическим аспектом или они могут попутно выполнять некие предпочтительные для автора функции? Исходя из этой цели, данная статья должна решить следующие задачи:

- выявить на материале трудов И. И. Винкельмана, Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера метаязыковые операторы, участвующие в выражении вежливого отношения;
- показать, как формулируется вежливая коммуникация у участников научного дискурса в представленных текстах;
- определить функции форм вежливости, характерные для специальных немецкоязычных текстов XVIII в.

Понимание функционирования этого феномена может помочь при написании академических текстов. Перспективными являются также дальнейшие исследования в этой области, ставящие себе задачу сравнить формы вежливости в академических текстах XVIII в. и в современном научном дискурсе.

2. К истории вопроса

Первые исследования категории вежливости относятся к пятидесятым годам прошлого столетия, когда знаменитый американский социолог И. Гофман ввел понятие «лица». Ключевым же исследованием в этой области остается классическая работа П. Браун и С. Левинсона «Politeness: some universals on language usage» («Вежливость: некоторые универсалии в языковом употреблении»). Выдвигаемая концепция этой работы заключается в том, что для достижения комфортных условий общения участникам необходимо совместно выработать определенные стратегии. Предположение о том, что коммуникация — это деятельность, которая руководствуется рациональным подходом, и что

производители знаков и их получатели преследуют взаимные коммуникативные цели и выбирают соответствующие языковые и неязыковые средства для достижения этих целей, Браун и Левинсон переняли у Пола Грайса. Поначалу может показаться, что вежливость является отвлекающим фактором, ненужной издержкой при расчете затрат и выгод коммуникантов. На самом деле, вежливость безусловно является частью имплицатуры. Будучи вежливым, говорящий делает больше, чем от него требуется, а слушающий воспринимает эту дополнительную и фактически излишнюю активность как попытку создать дополнительный компонент смысла [Ehrhardt 2018: 286].

Следуя за Гофманом, Браун и Левинсон делают субъектом своей теории «позитивное» и «негативное лицо». Обе эти роли могут быть свойственны одному и тому же человеку и характеризуются желанием добиться одобрения от других с одной стороны (positive face) и желанием продемонстрировать свободу суждений и независимость мнения с другой (negative face) [Brown, Levinson 1987: 66]. Т. Ларина связывает теории вежливости с эмотивной экологичностью, обосновывая это тем, что теория вежливости тесно связана с этикой поведения. Лингвоэкологи ратуют за позитивный настрой даже негативного сообщения, на это же нацелены и основоположники теории вежливости Браун и Левинсон [Ларина 2019: 41].

Несмотря на то что все мы заинтересованы в поддержании гармонии в общении, мы можем совершать некие акты, которые угрожают сохранению «лица» других людей. Часто эти поступки являются примерами невежливого поведения. Сохранению «негативного лица» препятствуют среди прочего приказы, просьбы, предложения, предупреждения и другие формы поведения. Потере «позитивного лица» могут угрожать неодобрение, несогласие, критика [Agbaglo 2017: 31].

Выбор слов при этом обусловлен не свободным выбором говорящего, а определенными социальными установками, существующими в обществе [Eckardt 2021: 310]. Об этом свидетельствуют, к примеру, формы вежливости, употребляемые в переписке XVIII в. Так, обращение на «ты» являлось уместным по отношению к близким друзьям, возлюбленным и членам семьи. Случаи употребления, выходящие за эти рамки, можно обозначить как указание на реликтовый характер отношений или нарушение субординации

[Varwig 2021: 179]. Знаменитый лингвист Дж. Лакофф выводит три правила вежливости, которые соответствуют правилам ведения разговора [Lakoff 1973: 298]:

- 1) не навязывай свою точку зрения;
- 2) предлагай варианты;
- 3) создавай хорошее впечатление и будь дружелюбным.

Как уже упоминалось выше, мы все заинтересованы в сохранении «лица» других субъектов коммуникации. По этой причине при прочих обстоятельствах люди стараются избегать актов, при которых можно «потерять лицо», то есть потерять доверие партнера (face threatening acts, FTA). Г. Р. Власян называет их «ликоугрожающими актами» [Власян 2011: 37]. Однако возникают ситуации, когда избежать потери «лица» просто невозможно, и единственное, что остается предпринять в этом случае, — это минимизировать возникшую угрозу. Чем выше эта угроза, тем важнее прибегнуть к стратегии вежливой коммуникации. Исходя из этого, Браун и Левинсон предлагают несколько стратегических вариантов для разрешения такой ситуации. В силу применимости этого подхода только к анализу устной речи мы не будем останавливаться на нем подробно [Brown, Levinson 1987: 69].

На наш взгляд, целесообразнее более подробно остановиться на работе американского лингвиста Г. Майерса, который анализирует вежливость на материале научных статей. Он выделяет два типа стратегий вежливости — позитивные и негативные. Когда авторы выдвигают гипотезы или предлагают рассмотреть какие-то результаты в исследовательских статьях, они используют различные стратегии позитивной вежливости, чтобы заручиться одобрением читателей. Это делается для утверждения общих оснований (claiming common grounds) и демонстрации того, что автор и читатель находятся в состоянии кооперации. Утверждая точки соприкосновения, позиции и мнения, авторы текстов вкрапляют в текст модификаторы, например прилагательные с оттенком уверенности: *clear*, *definite*, *sure*, *undoubted* [Myers 1989]. В качестве немецкоязычных соответствий можно назвать такие прилагательные, как *sicher*, *bestimmt*, *natürlich*, *gewiss*, *selbstverständlich* и др. Еще один способ найти общий язык с читателем — это использование альтернативных и спекулятивных выражений (например, *assumption*, *speculation*)

[Getkham 2013: 57]. В дополнение к первой стратегии авторы научного текста также используют вторую, которая заключается в установлении контакта (*creating rapport*) для создания общего с реципиентом эмоционального настроя. Для установления контакта с читателями авторы обычно используют эмоциональные выражения (например, *Wenn uns das Schicksal doch auch diesen Laokoon gegönnet hätte!* [Lessing 1766: 12]), риторические вопросы (например, *Wo aber wird gelehrt, worinnen die Schönheit einer Statue besteht?* [Winckelmann 1764: XI]) и императивные формы (например, употребительное сокращение императивной формы *vergleiche* — *vgl.*), демонстрируя солидарность и ощущение общности. Используя некоторые формулы вежливости, ученые также показывают, что они готовы сотрудничать с читателем. Чтобы продемонстрировать, что писатель и читатели имеют общую цель, писатели используют инклюзивное местоимение «мы» и его производные [Myers 1989]. Используя это местоимение, автор рассматривает читателя как коллегу-исследователя и сокращает разрыв между собой и читающим текст, тем самым вовлекая его в проблематику работы. В определенном контексте это местоимение может иметь иное значение — это «мы» в противоположность «им», обозначающее контраст между работой других исследователей и нашей работой [Myers 1992: 298].

Кроме того, большинство исследовательских статей характеризуется наличием негативных стратегий вежливости. Они используются для заверения читателя в том, что авторы всячески избегают посягательства на читательскую свободу действий. Эта авторская интенция находит выражение в хеджировании (нем. *Heckenausdrücken*, например *eigentlich, wahrscheinlich, ich nehme an, sozusagen*), имплицитующем неуверенность говорящего в истинности утверждаемого, и употреблении безличных конструкций (то есть использовании конструкций, избегающих употребления личных местоимений *ich* и *wir*: *man + V3; es wäre wünschenswert* вместо *ich würde es begrüßen, wenn...* и т. д.). К. Гетхам группирует эти стратегии в три основные подстратегии: проявление осторожности суждения путем хеджирования (*being tentative by hedging*), демонстрация нежелания навязать свою точку зрения (*showing that you don't want to impose*) и присвоение ответственности путем персонализации (*attributing all responsibility by personalization*) [Getkham 2013: 53].

3. Материал и методы

Исследование выполнено на материале трех немецкоязычных искусствоведческих монографий авторства Г.Э.Лессинга («Laokoon oder über die Grenzen der Malerei und Poesie», 1766), И.И.Винкельмана («Gedanken ueber die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerey und Bildhauerkunst», Bd. 1, 1764) и И. Г. Гердера («Kritische Wälder» Bd. 1, 1769), оцифрованных и находящихся в открытом доступе на сайтах Deutsches Textarchiv и Internet Archive. Исследуемые тексты подверглись контекстно-семантическому, лингвоаксиологическому и типографическому анализу (некоторые из книг представлены в формате отсканированных оригинальных изданий, то есть напечатаны фактурой).

4. Результаты исследования

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению конкретных семантико-прагматических средств вежливости в искусствоведческих текстах, следует отметить, что научный дискурс в области искусствознания находился в XVIII в. в стадии разработки (например, И.И.Винкельмана часто называют «отцом искусствознания», поскольку он первым пытался отделить историю искусства от общей истории), а потому конвенциональные для современного научного текста формы еще не имеют столь широкого распространения. На представленном материале мы рассмотрим, как формулируются уже упомянутые нами позитивные и негативные стратегии вежливости. В качестве модели для проведения анализа была выбрана классификация, разработанная Браун, Левинсон и Майером и впоследствии объединенная Гетхам в одну модель [Getkham 2013: 53–54].

4.1. Семантико-прагматические характеристики стратегий позитивной вежливости

К этой категории относятся две подкатегории: поиск общей почвы для разговора посредством высказывания общих взглядов при помощи прилагательных со значением уверенности и глаголов умозрительной деятельности (claiming common grounds), а также демонстрация того, что автор и читатель находятся в состоянии

кооперации (showing that writer and reader are cooperators) — об этом может сигнализировать употребление личных местоимений, например инклюзивного *wir*. Проиллюстрируем первую стратегию показательным отрывком из работы И. И. Винкельмана:

Denn nicht zu gedenken, daß ihr Geblüt einige Jahrhunderte hindurch mit dem Samen so vieler Völker, die sich unter ihnen niedergelassen haben, vermischt worden, so ist leicht einzusehen, daß ihre jetzige Verfassung, Erziehung, Unterricht und Art zu denken, auch in ihre [körperliche] Bildung einen Einfluß haben könne <...> Diese vorzügliche Bildung ist so augenscheinlich, daß der Kopf des geringsten Mannes... [Winckelmann 1764: 21–22]. — «Не говоря уже о том, что их племя на протяжении нескольких столетий смешивалось с потомками многих народов, обосновавшихся на их земле, нетрудно заметить, что современное государственное устройство, воспитание, образование и образ мышления могли оказать влияние и на их телосложение <...> Это превосходство во внешности настолько очевидно, что голова первого попавшегося мужчины...»¹

Здесь мы видим оба характерных для первой стратегии приема. Автор использует и глаголы умозрительной деятельности (*gedenken, denken*), и прилагательные/наречия со значением уверенности, ясности (*augenscheinlich, leicht etw. zu sehen*) с целью объединить свой опыт видения с предстоящим опытом читателя. И. И. Винкельман здесь провоцирует реципиента текста разделить его предположения, по всей видимости, подразумевая, что убедиться в их правдивости не составит большого труда, надо лишь довериться историку искусств.

Что касается второй подстратегии, то И. И. Винкельман начинает свою «Историю искусства древности» от первого лица, не употребляя *wir*:

Die Geschichte der Kunst des Altertums, welche ich zu schreiben unternommen habe, ist keine bloße Erzählung der Zeitfolge und der Veränderung in derselben, sondern ich nehme das Wort Geschichte in der weiteren Bedeutung, welche dasselbe in der griechischen Sprache hat, und meine Absicht ist, einen Versuch eines Lehrgebäudes zu liefern [Winckelmann 1764: IX]. — «История искусства древности, которую я решил написать,

¹ Здесь и далее перевод приводится по: [Винкельман 2000].

представляет собой не только повествование о хронологической его последовательности и изменениях: я воспринимаю слово «история» в том более широком значении, каким оно обладает в греческом языке, и намерен изложить здесь опыт научной системы».

В данном случае, используя местоимение первого лица, И. И. Винкельман как бы выступает с сильной авторской позиции и дистанцируется от ассоциации с научным сообществом, тем самым утверждая свой авторитет в области исследования и предъявляя притязания на авторское право. Это можно объяснить тем фактом, что в этой книге И. И. Винкельман первый в XVIII в. определяет искусство античных Рима и Греции как эстетический эталон и закладывает основу для современной трактовки искусства этого периода. Этот прием особенно часто встречается в предисловии к первой части, в теоретической части работы И. И. Винкельман переключается на повествование с использованием местоимения *wir*:

Von diesem ersten Entwurfe und Anlage einer Figur können wir der anwachsenden Bildung derselben, aus Anzeigen der Skribenten und aus alten Denkmalen, nachforschen [Winckelmann 1764: 7]. — «Начиная с этого первого замысла и эскиза фигуры мы можем проследить все дальнейшее развитие, сообразуясь с указаниями писателей и древними памятниками».

Очевидно, что здесь автор апеллирует к читателю и предлагает пройти исследовательский путь вместе. Инклюзивное *wir* выводит читателя из функции пассивного наблюдателя и ставит на одну ступень с исследователем. Автор же, переключая модусы и используя разные типы местоимений, может примерить на себя разные роли в тексте: авторитарного исследователя, представляющего эксклюзивное содержание, и дружески настроенного коллеги-исследователя, который стремится сократить дистанцию между собой и читателем.

Ко второй стратегии также можно отнести стремление создать общий с читателем эмоциональный фон посредством вкрапления в текст риторических вопросов и эмоциональных выражений. Эти приемы активно использует И. Г. Гердер в своих «Критических лесах»:

Soll ich ihm also Kännntniß der Alten absprechen, weil er Homer nicht als Dichter, sondern als Künstler, nicht also des Poetischen Wesens seiner Muse wegen, nicht wie Lessing gelesen? Soll ich ihm einen Seitenblick, den er auf die Poesie wirft, um seine Kunst zu erläutern, und gesetzt dieser Seitenblick träge auch nicht auf das Innere der Dichtkunst, zum Hauptverbrechen anrechnen? [Herder 1769: 13]. — «Должен ли я отказывать ему в понимании древних, потому что он читал Гомера не как поэт, а как художник, не благодаря поэтической природе своей музыки, не так, как читал его Лессинг? Должен ли я вменить ему в вину как главное преступление косой взгляд, который он бросил на поэзию, лишь чтобы объяснить свое искусство, хотя, вероятно, этот косой взгляд и не отразил внутренней сути поэзии?»²

Через риторических вопросов, адресуемая в данном случае читателю, выводит исследовательский текст на уровень диалога. Автор имплицитно отвечает на все эти вопросы отрицательно и надеется, что читатель с ним согласится. Следует также обратить внимание и на то, что И. Г. Гердер ведет здесь повествование от первого лица, что добавляет этому безответному вопрошанию еще больше эмоциональности.

4.2. Семанτικο-прагматические характеристики стратегий негативной вежливости

Негативные стратегии вежливости проявляются в выборе языковых средств для изложения фактов и утверждений, связанных с конкретной исследовательской деятельностью. Они состоят из смягчающих формулировок, основанных на стремлении избежать воздействия на читателя. В дискуссиях авторы стремятся подчеркнуть полученные результаты и вписать их в контекст более широкого круга знаний, соотнося результаты с работами других авторов. С. Т. Нефедов считает, что для немецкоязычного научного текста характерна личностно-ориентированная стратегия в оспаривающем модусе. Критические интенции выражаются открыто, но без категоричности [Нефедов 2022]. Негативные стратегии вежливости, прибегающие к хеджированию и формулировкам, демонстрирующим неуверенность, снижают доверие читателя. Эти выражения включают в себя в основном различные реализации

² Перевод автора.

эпистемической модальности [Gil-Salom, Soler-Monreal 2009: 182]. В приведенном фрагменте трактата «Лаокоон» Г. Э. Лессинг оформляет ход своей мысли, используя модальные глаголы и конъюнктив. Любопытно, что в переводе на русский язык это же значение неуверенности передается уже при помощи частицы *пожалуй*:

*Wenn ich fände, daß es unsere Schauspieler nicht könnten, so **müßte** ich erst wissen, ob es auch ein Garrick nicht vermögend wäre: und wenn es auch diesem nicht gelänge, so **würde** ich mir noch immer die Skeuopoeie und Deklamation der Alten in einer Vollkommenheit **denken dürfen**, von der wir heut zu Tage gar keinen Begriff haben* [Lessing 1766: 42]. — «Если я вижу, что наши актеры не могут сделать этого, мне еще надо убедиться, что этого не мог сделать, например, и Гаррик; а если бы это не удалось даже и ему, то древняя мимика и декламация кажутся мне, пожалуй, достигшими такого совершенства, какое мы в настоящее время не можем даже представить»³.

К этим стратегиям прибегает также и И. И. Винкельман. Он, используя модальность и личное местоимение, и увещевает читателя (*dieses muss uns nicht befremden*), и строит гипотетическое умозаключение (*es würde verworren werden, wenn...*):

*Die erhabenen übermalten Figuren, welche sich zu Theben erhalten haben, **sollen**, wie des Osiris Kleidung gemalt war, ohne Abweichung und ohne Licht und Schatten sein. Dieses aber **muß** uns nicht so sehr als den, der es berichtet, befremden: denn alle erhobenen Werke bekommen Licht und Schatten durch sich selbst, sie **mögen** in weißem Marmor oder von einer andern einzigen Farbe sein, und es **würde** alles an ihnen verworren werden, wenn **man** im Übermalen derselben mit dem Erhobenen und Vertieften es wie in der Malerei **halten wollte*** [Winckelmann 1764: 49]. — «По-видимому, при раскраске рельефных фигур, сохранившихся в Фивах, не передавались оттенки цвета и игра светотени, о чем можно судить по одежде Осириса. Однако это не должно показаться нам столь же странным, как тому, кто сообщает об этом: ведь все рельефы сами по себе воплощают игру светотени, будь они из белого мрамора или из какого-нибудь другого одноцветного материала, и если бы, раскрашивая их, пытались, как в живописи, передавать выпуклости и углубления, то получился бы хаос».

³ Здесь и далее перевод приводится по: [Лессинг 1953].

Также к представленной стратегии относятся деперсонализация (употребление безличных конструкций, пассивного залога или конструкции *man* + V3, вводных фраз) и, как это ни парадоксально, персонализация. Использование личных местоимений первого лица в связке с перформативными глаголами может обеспечивать эффект мысленного отождествления описанных действий с субъектом, их совершившим. Подобные формулировки возлагают всю ответственность за анализ и результаты исследования на автора и сохраняют тем самым независимость читателя [Gil-Salom, Soler-Monreal 2009: 185]. Так, И. Г. Гердер в своих «Критических лесах», собираясь по пунктам объяснить, почему греческая поэзия носит элегический характер и полна сентиментальности, вводит этот список следующим образом: «Ich stecke einige Gesichtspunkte ab» [Herder 1769: 32]. Принимая во внимание, что это исследовательская гипотеза, которую надо доказать самостоятельно, И. Г. Гердер в данном случае ликвидирует на время равноправные отношения с читателем (коллега-исследователь обращается к коллеге-исследователю), используя местоимение первого лица и перформативный глагол *abstrecken*.

5. Выводы

На изученном материале показано, что авторы искусствоведческих текстов в XVIII в. использовали весь спектр «позитивных» и «негативных» формул вежливости. Из результатов данного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, стиль академического письма не ограничивается простым перечислением набора фактов и суждений. Он также представляет взгляды и нравы автора. М. Фишер связывает формы вежливости с характерной для XVIII века придворной культурой с ее жесткими установками и многочисленными условностями. Впоследствии подобный расклад будет критиковаться представителями направления «*Sturm und Drang*» [Fischer 2021: 79]. Во-вторых, в ходе анализа было исследовано, что к стратегиям позитивной вежливости можно отнести стремление создать общую почву для разговора и показать готовность к кооперации, а к негативным — хеджирование, имперсонализацию и персонализацию. Каждая из упомянутых стратегий несет свою функцию. «Позитивная» вежливость стимулирует создание благоприятного образа исследователя, а «негатив-

ная» — смягчение категоричности высказанного. Историки искусства XVIII века еще активно ведут повествование от первого лица, что совсем не типично для современного научного письма.

Источники иллюстративного материала

Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 2000. 800 с.

Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / пер. Е. Эдельсона под ред. Н. Н. Кузнецовой // Лессинг Г. Э. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1953. С. 385–516.

Herder J. G. Kritische Wälder. Oder Betrachtungen, die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend. 3 Bde. Hartknoch, Riga 1769. URL: https://www.deutschestextarchiv.de/book/show/herder_kritische01_1769 (дата обращения: 29.01.2023).

Lessing G. E. Laokoon. Oder: Über die Grenzen der Malerei und Poesie. Mit beiläufigen Erläuterungen verschiedener Punkte der alten Kunstgeschichte, 1766. URL: <https://archive.org/details/laokoon00lessuoft/page/44/mode/2up> (дата обращения: 29.01.2023).

Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. Walther, Dresden, 1764. URL: https://www.deutschestextarchiv.de/book/show/winckelmann_kunstgeschichte01_1764 (дата обращения: 29.01.2023).

Литература

Власян Г. Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // Вестник ЧелГУ. 2011. Вып. 33. С. 36–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-vezhlivosti-problema-interpretatsii> (дата обращения: 29.01.2023).

Ларина Т. В. Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии // Актуальные проблемы стилистики. 2019. Вып. 5. С. 40–46.

Нефедов С. Т. Критиковать или хвалить: стратегии профессиональной вежливости в научных социологических сообществах Германии и России. Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V Междунар. науч. конф. Минск: МГЛУ, 2022. С. 23–25.

Agbaglo E. The Use of Politeness Strategies in the Analysis and Discussion Sections of English Research Articles // Research on Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 7, no. 19. P. 30–42.

Brown P, Levinson S. C. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Eckardt R. Sprache und Kontext: Eine Einführung in die Pragmatik. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. S. 310–321. <https://doi.org/10.1515/9783110491067-018>

Ehrhardt C. Höflichkeit // F. Liedtke, A. Tuchen (Hrsg.) *Handbuch Pragmatik*. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. S. 282–291. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_28

Fischer M. Kritik der Höflichkeit. Zum Wandel einer Verhaltensform in der Epoche des Sturm und Drang // *Temeswarer Beiträge zur Germanistik*. Editura Morton. 2021. Nr. 18. S. 79–90.

Getkham K. Politeness strategies in research articles: A cross-disciplinary study // *PASAA*. 2013. Vol. 46. P. 47–74.

Gil-Salom L., Soler-Monreal C. Interacting with the reader: politeness strategies in Engineering research article discussions // *International journal of English studies*. 2009. No. 1. P. 175–189.

Koch P. Höflichkeit und Metonymie // Kimmich D., Matzat W. *Der gepflegte Umgang: Interkulturelle Aspekte der Höflichkeit in Literatur und Sprache*. Bielefeld: transcript Verlag, 2008. S. 143–184. <https://doi.org/10.1515/9783839408209-008>

Lakoff R. The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's // *Chicago. Linguistic Society*. 1973. No. 8. P. 292–305.

Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles // *Applied Linguistics*. 1989. Vol. 10, iss. 1. P. 1–35.

Myers G. 'In this paper we report...' Speech acts and scientific facts // *Journal of Pragmatics*, 1992. 17:4. P. 295–313.

Varwig O. Materialisierte Höflichkeit. Etikette und sozialer Code in der Briefkommunikation der Goethezeit am Beispiel der Korrespondenz August Wilhelm Schlegels // Kasper N., Kittelmann J., Strobel J., Vellusig R. *Die Geschichtlichkeit des Briefs: Kontinuität und Wandel einer Kommunikationsform*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. S. 165–192. <https://doi.org/10.1515/9783110712568-009>

References

Agbaglo E. The Use of Politeness Strategies in the Analysis and Discussion Sections of English Research Articles. *Research on Humanities and Social Sciences*, 2017, vol. 7, no. 19, pp. 30–42.

Brown P., Levinson S. C. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 345 p.

Eckardt R. *Sprache und Kontext: Eine Einführung in die Pragmatik*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021, S. 310–321. <https://doi.org/10.1515/9783110491067-018>

Ehrhardt C. Höflichkeit. *Handbuch Pragmatik*. Liedtke F., Tuchen A. (Hrsg.) Stuttgart, J. B. Metzler, 2018, S. 282–291. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_28

Fischer M. Kritik der Höflichkeit. Zum Wandel einer Verhaltensform in der Epoche des Sturms und Drang. *Temeswarer Beiträge zur Germanistik*. Editura Morton. 2021. Nr. 18, S. 79–90.

Getkham K. Politeness strategies in research articles: A cross-disciplinary study. *PASAA*, 2013, vol. 46, pp. 47–74.

Gil-Salom L., Soler-Monreal C. Interacting with the reader: politeness strategies in Engineering research article discussions. *International journal of English studies*, 2009, no. 1, pp. 175–189.

Koch P. Höflichkeit und Metonymie. Kimmich D., Matzat W. (Hrsg.), *Der gepflegte Umgang: Interkulturelle Aspekte der Höflichkeit in Literatur und Sprache*. Bielefeld, Transcript Verlag, 2008, S. 143–184. <https://doi.org/10.1515/9783839408209-008>

Lakoff R. The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's. *Chicago Linguistic Society*. 1973, no. 8, pp. 292–305.

Larina T. Emotion and politeness in the style of an anonymous scientific review. *Aktual'nye problemy stilistiki*, 2019, no. 5, pp. 40–46. (In Russian)

Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles. *Applied Linguistics*, 1989, vol. 10, iss. 1, pp. 1–35.

Myers G. 'In this paper we report...' Speech acts and scientific facts. *Journal of Pragmatics*, 1992. 17:4, pp. 295–313.

Nefedov S. To criticise or to praise: strategies of professional politeness in the German and Russian scientific sociological communities. The universal and the national in the linguistic worldview. *Materials of 5th international scientific conference*, Minsk: MSLU Publ., 2022, pp. 23–25. (In Russian)

Varwig O. Materialisierte Höflichkeit. Etikette und sozialer Code in der Briefkommunikation der Goethezeit am Beispiel der Korrespondenz August Wilhelm Schlegels. Kasper N., Kittelmann J., Strobel J., Vellusig R. *Die Geschichtlichkeit des Briefs: Kontinuität und Wandel einer Kommunikationsform*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021, S. 165–192. <https://doi.org/10.1515/9783110712568-009>

Vlasyan G. The communicative category of politeness: a problem of interpretation. *Vestnik of Chelyabinsk University*, 2011, no. 33, pp. 36–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-vezhlivosti-problema-interpretatsii> (accessed: 28.01.2023). (In Russian)

Яшкова Анна Валерьевна

аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Iashkova

Postgraduate Student of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: avy98spb@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.